

Человек с разными именами

ХОДЖА АХМАД АББАС

Индийский писатель

РАССКАЗ

ЧТО только не говорили об этом человеке с тех пор, как он поселился в нашем переулке!

— Не иначе, беглый каторжник, — многозначительно шептал кто-нибудь на ухо своему соседу. — Людей сторонится, ни к кому не зайдет, ни с кем слова не вымолвит...

— Да... темная личность, — соглашался сосед. — Несколько месяцев живет в нашем переулке, а никто не знает его имени.

— Бедняга, видно, страдает неизлечимой болезнью, — строил догадки третий. — Разве вы не заметили, как он бледен — ни кровинки в лице! Уж поверьте мне — у него чахотка. Потому он и избегает людей, что боится заразить их.

Были и такие, которые решительно отвергали такого рода предположения.

— Ну и выдумают же злые языки, — возмущались они. — Несчастный! Кто видел, чтобы он хоть раз возвращался домой с лекарствами? — Но тут же эти люди, понижая голос, добавляли: — Переодетый полицейский, тайный агент полиции — вот он кто! Будь наш жилец преступником, стал бы он открыто появляться на улице? Его давно бы сцапали... Человек нигде не работает, а ведь питается он не ман-

ной небесной. И жилье тоже кое-что стоит. Где же он берет деньги? Конечно, он шпик, за это ему и платит полиция...

Возвращался он обычно в полдень. Шел едва передвигая ноги, ссутулившись, словно под тяжестью неведомого недуга. Не раз мы видели, как он плелся домой, спотыкаясь и держась за стены, чтобы не упасть. Но он не был пьян. Его глаза не блестели, как это бывает у людей, выпивших лишнюю рюмку. Они были тусклыми, и в них можно было прочесть отчаяние безнадежно больного человека, обреченного на вечные страдания. Из матерчатой сумки, которую он нес в руке, выглядывали то пакеты с мукой или солью, то кулек риса или гороха, то бутылка с растительным маслом. Эти покупки он делал в ближайшей бакалейной лавке и всегда платил за них наличными. Не было случая, чтобы он просил отпустить ему что-нибудь в долг — так, по крайней мере, уверял нас лавочник. «Откуда же у него деньги?» — думали мы, уверенные в том, что он нигде не работает. Это была тайна, и проникнуть в нее старался каждый обитатель нашего переулка.

Однажды мы увидели его, когда стояли в очереди у водопроводной колонки. Как всегда, он нес сумку с провизией, но казался особенно измученным. Толстый слой пыли покрывал его старые, заплатанные башмаки. Сухие, потрескавшиеся губы были почти белыми. Он шел очень медленно, то и дело хватаясь за заборы и стены. У него дрожали ноги. Сделав несколько нетвердых шагов, он упал. Мы бросились к нему. Он лежал без чувств. Двое из нас подняли его, кто-то взял сумку. На тротуаре осталась треснувшая бутылка, из которой медленно вытекало золотистое масло, образуя большое радужное пятно в луже стоячей воды.

Человек очнулся только тогда, когда мы остановились у порога его жилья. Он часто заморгал сощуренными ввалившимися глазами и дрожащей рукой достал из кармана ключ. Мы открыли дверь,

Рисунок А. Васина

и в нос нам ударил тяжелый, спертый воздух. Внутри было так темно и душно, словно сюда никогда не проникал ни дневной свет, ни свежий воздух. Эта мрачная каморка скорее походила на пещеру или склеп, чем на человеческое жилище. Харбанс, разносчик мороженого, не выдержал и выбежал вон с выражением ужаса на лице. Не выдержал и Говинда, моторист грузового катера. Зажав нос, он тоже выбежал на улицу и, отдышавшись, сплюнул в канаву. Остался только Саксена, корректор местной газеты. Пока он ошупью подходил к окну, несчастный кое-как дотащился до своего убогого ложа.

Саксена распахнул маленькое оконце и на минуту зажмурился от яркого луча света, неожиданно ворвавшегося в комнату. Кругом царил невообразимый беспорядок. На шаткой железной койке чернело потертое одеяло, из-под которого высовывалось ветхое грязное тряпье, служившее, по-види-

мому, постельным бельем. В углу, за кучей угля, золы и обгорелыми поленьями, валялись гнилые овощи и кожура от лука. От всего этого несло тлетворным запахом разложения и смерти.

Подавленный столь жуткой картиной нищеты Саксена уставился на обитателя каморки. Бедняга пытался приподняться, но, убедившись, что это ему не под силу, снова повалился на постель и затих, точно мертвый.

— Как тебя зовут, брат? — спросил Саксена, чтобы хоть как-нибудь начать разговор.

— А тебе какое дело? — грубо отрезал человек. Саксена не ожидал такого резкого ответа.

— Но я... я просто хотел спросить... — протянул он, растерявшись. — Мне хотелось узнать ваше имя, чтобы помочь вам. Ведь вы очень больны. Вас следовало бы отправить в больницу...

— Зачем мне больница? Я вовсе не болен! — в слабом голосе чувствовалась твердая решимость, никак не вязавшаяся с болезненным состоянием этого странного человека. — Кто вам сказал, что я болен? — хрипло выкрикнул он. — Вы думаете, я не

знаю, чего вы добиваетесь? Вы хотите обманным путем лишить меня последнего заработка! Да, да! Вам хочется напасть на меня. Я знаю вас. Все вы такие!..

Саксена опять смутился, но все же сказал:

— Чем вы зарабатываете себе на жизнь?

Из впалой груди несчастного вырвалось какое-то странное бульканье, походившее не то на смех, не то на кашель или на то и другое вместе.

— А где найдешь такую работу, чтобы можно было свести концы с концами? — сказал он наконец с горечью и раздражением. — Я уже давно числюсь в списке безработных, но тысячи людей зарегистрировались еще раньше, и до меня вряд ли дойдет очередь. Я стал бы перевозчиком, но, чтобы сесть за руль катера, нужно иметь лицензию. Лицензия же стоит денег. А где их взять? Где прикажете найти работу? Кто я такой, чтобы мне оказали предпочтение? Что я умею делать? Кому я нужен?..

И речь его снова стала бессвязной и путаной.

«Он, должно быть, уголовник, — подумал Саксена. — Возможно, карманный вор. А кто его знает, может быть, он сводник или торговец наркотиками?» И Саксена решил задать ему последний вопрос:

— Но, все-таки, чем вы занимаетесь?

На миг в тусклых безжизненных глазах незнакомца вспыхнули недобрые огоньки:

— Я... я... торгую, — начал он и, спохватившись, замолк.

Но проследив за взглядом больного, Саксена увидел на его грязном рукаве расплывшееся пятно темно-бурого цвета. Это была кровь. Совсем свежая кровь! Саксеной овладел панический страх, и он с бьющимся сердцем выбежал из душной каморки. Вслед ему раздавался злоедающий смех, от которого по телу побежали мурашки.

Придя на другой день в корректорскую, Саксена никак не мог сосредоточиться. Все время его преследовали галлюцинации. На гранках, которые он читал, возникали бурые пятна крови, и буквы проступали сквозь них, как сквозь багровое марево. Возвращаясь с работы в автобусе, он с опаской поглядывал на пассажиров: ему казалось, что кто-нибудь из них сейчас зарежет его. Временами он даже ощущал щекощущее прикосновение кинжала.

Прежде чем пойти домой, Саксена направился к хибарке, где ютился поразивший его воображение незнакомец. Но ему не удалось войти, так как дверь была заперта изнутри. Она оказалась запертой и на другой, и на третий, и на четвертый день. И все эти дни Саксена не находил себе места. Его нервы расхаживали по комнате.

Это наконец надоело его ворчливой жене, и она выпалила:

— Что с тобой стряслось? У тебя такой вид, будто ты зарезал кого-то.

Не выдержал дальше и Саксена. На следующее утро он незаметно выскользнул из дому и побежал куда-то.

Мы стояли с ведрами у водопроводной колонки. Вдруг к хибарке, где жил незнакомец, подъехала полицейская машина. Из нее вышли четыре констебля, полицейский чиновник и... Саксена. Он подвел их к двери, которая все еще была заперта. Несколько ударов носками тяжелых ботинок — и сгнившие доски сломались. И тотчас же нас обдал уже знакомый нам тошнотворный запах. Саксена открыл окно. С улицы хлынул яркий утренний свет. Косые лучи солнца упали на тщедушную фигуру человека, лежавшего на койке. Пятна крови на рукаве его рубахи высохли и почернели.

Полицейский чиновник приподнял и затем опустил его руку. Она скользнула на прежнее место, неподвижно свесившись с койки. Тело было холодным и безжизненным.

— Он уже давно умер, — бесстрастно заключил чиновник, — придется сделать вскрытие.

Но к этому не пришлось прибегнуть. Возле койки лежала куча желтоватых бумажек, и они рассказали обо всем.

Полицейский чиновник поднял их с пола и стал читать вслух одну за другой:

«Ирвингский госпиталь института переливания крови, Нью-Дели. 21 января 1961 года. Рамлал, сын Шамлала. Уплачено 10 рупий».

«Городская больница, Нью-Дели. 5 мая 1961 года. Мохаммед Багхш, сын Рахима Багхша. Уплачено 10 рупий».

«Правительственный госпиталь, Бонтанк. 7 июня 1961 года. Джон Льюис. Уплачено 10 рупий».

Таких квитанций было очень много, но на каждой значилась другая фамилия, и мы никак не могли установить настоящее имя умершего. Измятая газетная вырезка, найденная в ворохе желтых бумажек, поведала нам о его печальной судьбе. Это была информация об институте «Лайф-сейвинг Блад-Бэнкз». Среди фотографий нескольких доноров, которыми была снабжена заметка, мы увидели и того, кто лежал сейчас перед нами в одежде, покрытой пятнами его собственной крови.

Саксена взял заметку у полицейского чиновника и прочел следующее:

«По словам директора института «Лайф-сейвинг Блад-Бэнкз», некоторые безработные и другие малообеспеченные люди вынуждены продавать свою кровь. Многие под вымышленными фамилиями сдают кровь слишком часто. Один из врачей, с которыми беседовал ваш корреспондент, заявил, что это может кончиться весьма трагически для таких доноров...»

Перевели с английского
Л. Морошкина и Б. Эпельфельд